

ИНВЕРСИЯ АФОРИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(на материале языка романа А. Платонова «Чевенгур»)

Афоризм с точки зрения его функциональной структуры принято считать языковой единицей в известном смысле изоморфной слову и фразеологизму, так как афоризмы (поговорки, крылатые изречения и т.п.) также «обладают парадигмами» форм своего употребления в речи, «могут выступать в различных падежах или спрягаться» [3: 250]. Вместе с тем, будучи по структурной природе высказываниями, афоризмы естественно способны подвергаться в речи не только морфологическим трансформациям, но и синтаксическим (в самом широком понимании, включая модальные), лексико-грамматическим (например, видоизменению своих структурных компонентов), а в некоторых случаях даже фонетическим (как правило, основанным на каламбуре) и т.д., иными словами, так называемому «перефразированию». Результатом последнего может стать как фактическое исчезновение афоризма в данном контексте, когда распознавание его изначальной формы оказывается нерелевантным в пределах собственно языковой структуризации, так и появление нового афоризма, «заведомо не синонимичного первоначальному» [2: 197]. При этом понятие «перефразирование» не совпадает с представлением о парадигме афоризма, а скорее поглощает его, определяя всё множество (и многообразие) модификаций афоризма в речи.

Инверсия афоризма в художественном тексте является одной из его структурных форм в тексте, совокупность которых следует рассматривать как систему, детерминирующую все возможные контекстуально-речевые трансформации афоризмов на уровне диктума высказывания (в смысле Ш. Балли). Основой семиологической релевантности такого описания является гипотеза о том, что индивидуально-авторские (окказиональные по отношению к афористическому составу языка), или «речевые» [1: 5] афоризмы изоморфны по структуре и способам функционирования узואльным

(«языковым») и также «обладают парадигмами», с той разницей, что если само функционирование афоризмов как единиц языка (пословиц, крылатых изречений и т.п.) обусловлено прежде всего наличием некоей общей для каждого из них реально действующей системы парадигматических форм, то для окказиональных та или иная трансформа афоризма (абстрагируясь от ее контекстуального происхождения) оказывается единственно возможной формой его существования (реализации) в речи вообще.

Язык романа Андрея Платонова (1899-1951) «Чевенгур» (1927-1930) является одним из самых «афористичных» (насыщенных афоризмами) в русской классической прозе. Всего нами было проанализировано свыше 750 индивидуально-авторских афористических высказываний, среди которых случаев функционирования афористических единиц в трансформированном виде оказалось около 600 (что само по себе свидетельствует о весьма высокой продуктивности такой формы афоризма в художественной речи).

Индивидуально-авторский афоризм, который употребляется не в виде отдельного речевого произведения, а как единица речи в некоем контексте, может рассматриваться только как потенциальный текст. Его актуализация как текста возможна лишь вне авторского контекста, в котором содержание и структура афоризма ещё находятся в стадии своего формирования (т.е. допускается, что он или ещё, или вообще не способен функционировать вне своего индивидуально-авторского контекста в той же форме и/или с тем же содержанием). Поэтому утверждение об обязательно свойственной изначально всем афоризмам природе текста, которое обычно не подвергается сомнению, следует всё же считать ошибочным.

Неверно и то, что индивидуально-авторские афоризмы «вводятся» в текст своего авторского (первичного) употребления [4]. Вводить афоризм в текст можно только как единицу уже функционирующую либо массово, либо индивидуально (т.е. вторичным употреблением). Индивидуально-авторский афоризм из

текста его первичного (авторского) употребления можно только «выделить».

Индивидуально-авторские афоризмы производятся в речи и вне текста своего первичного (авторского) употребления не функционируют, чем весьма существенно отличаются как от языковых афоризмов, которые регулярно воспроизводятся в речи, так и от речевых, которые также производятся в речи, но могут и разово в ней воспроизводиться (вне авторского текста). Тем не менее все афоризмы независимо от их семиотического статуса следует считать изоморфными по структуре и способам употребления, с той лишь разницей, что если функционирование воспроизводимых афоризмов обусловлено наличием целого ряда их парадигматических форм (трансформ), то для производимых в речи афоризмов та их форма, в которой они употреблены, является одной из возможных форм данного афоризма (либо вообще единственно возможной его формой, если афоризм не употребляется вне авторского текста).

Индивидуально-авторский афоризм может функционировать в тексте как в абсолютно автономной, так и в относительно автономной позиции. Абсолютно автономные индивидуально-авторские афоризмы употребляются в тексте в виде семантически и грамматически обособленных реплик в речи персонажа или автора. Употребление индивидуально-авторских афоризмов в тексте в относительно автономной позиции дифференцируется на несколько разновидностей.

1) грамматическая (структурная) автономность при наличии контекстуально обусловленной семантики;

2) грамматическая (структурная) обусловленность с сохранением грамматической (структурной) целостности в контексте при наличии автономной или контекстуально обусловленной семантики;

3) грамматическая (структурная) обусловленность без сохранения грамматической (структурной) целостности в контексте при наличии только контекстуально обусловленной семантики.

В первых двух случаях афоризм сохраняет грамматическую (структурную) целостность, т.е. при выделении из текста форма его не изменяется, безотносительно того, является ли он автосемантическим или синсемантическим в авторском контексте.

В последнем случае афоризм не может быть выделен из текста без специальной операции по восстановлению его формы, имплицитно присущей ему до введения в данный текст. Такая операция должна соответствовать той модификации формы афоризма, с помощью которой данный афоризм был эксплицирован в речи в процессе её порождения. Предполагается, что любой индивидуально-речевой афоризм, употреблённый в тексте в контекстуально обусловленной грамматической форме, не может не быть представлен в процессе речевой деятельности при порождении речи на этапе лексического выбора и грамматического конструирования высказывания как целостная, т.е. абсолютно автономная в грамматическом (структурном) плане единица.

Индивидуально-авторские афоризмы не всегда функционируют как синтаксически цельные конструкции, скорее наоборот, чаще употребляются в аналитической форме. Этому во многом способствует то, что афоризм отличается как композиционной двухчастностью, так и семантическим параллелизмом своей структуры, что в известной степени способствует его трансформациям в тексте. Чтобы выделить трансформированные в тексте афоризмы, необходимо не только понять их содержание, но и реконструировать их исходные формы.

При употреблении индивидуально-авторского афоризма в тексте часто меняются местами его структурные компоненты (слова, сочетания слов, предикативные части). Такое явление можно определить как инверсию афоризма: *Переходим к текущим делам. Через восемь дней в губернии состоится партконференция, и туда зовут от нас делегата, который должен быть председателем местной власти... Поезжай, Чепурный, чего же тут обсуждать, – сказал Жеев. – Обсуждать нечего, раз предписано, – указал Прокофий ← ср.: Раз предписано – обсуждать нечего (исходная*

форма афоризма). Здесь перестановка структурно значимых компонентов афоризма по сравнению с его исходной формой легко объяснима постановкой *ремы* перед *темой* в целях эмфазы: в данном случае выделяется (ставится в начало фразы) более важная в смысловом контексте данного диалога часть афоризма, тем более что своей репликой Прокофий «подкрепляет» мнение Жеева о нецелесообразности обсуждения. Подобное происходит и в следующем случае: *Из дверей зала горсовета, где должно быть партсобрание, дул воздух, как из вентилятора. Слесарь Гопнер держал ладонь навстречу воздуху и говорил товарищу Фуфаеву, что здесь две атмосферы давления. – Если б всю партию собрать в эту залу, – рассуждал Гопнер, – смело можно электрическую станцию пустить – на одном партийном дыхании: будь я проклят!* ← ср. *На одном партийном дыхании смело можно электрическую станцию пустить* (исходная форма афоризма). Здесь мысль Гопнера движется и оформляется от нового к исходному: Гопнер препозиционально выделяет ремю афористического высказывания, тема для него не требует словесного оформления ввиду своей очевидности, однако он, обращаясь к Фуфаеву, вынужден сообщить и исходную основу своего заключения.

Ещё в одном примере афоризм на основе перифраза осложнён перестановкой своих структурно-смысловых компонентов также в целях эмфазы – акцентации внимания адресата (в данном случае читателя) на то, что *Жена – невесёлая подруга*, ср.: *В следующие годы Захар Павлович всё более приходил в упадок. Чтобы не умереть одному, он завёл себе невесёлую подругу – жену Дарью Степановну.* В данном случае вызывает интерес и реализация свойственного А. Платонову алогизма в понятийно-смысловом построении фразы (чтобы не умереть одному, следует завести себе именно *невесёлую подругу*).

Не менее часто для реконструкции исходной формы индивидуально-авторского афоризма при выделении его из текста необходимо применить такой трансформационный приём, как инверсия: *Фёкла Степановна зазевала, закрывая рот большой*

работающей рукой: – А я... век свой прожила. Мужика у меня убили на царской войне, жить нечем, и сну будешь рада ← ср. Когда жить нечем, и сну будешь рада или И сну будешь рада, когда жить нечем (исходные формы афоризма). Здесь афоризм в составе реплики персонажа не подвергается синтагматической трансформации, однако при выделении из авторского текста в качестве контекстуально автономного высказывания требует изменения порядка следования своих структурных компонентов с целью достижения большей выразительности.

Совсем иное происходит, когда меняется порядок следования непредикативных компонентов афоризма (отдельных слов и/или их сочетаний): Вдруг среди пола сразу поднялся и сел опухший парень в ключьях ранней бороды: – Мама, мамака! дай отрез, старая карга! Дай мне отрез. я тебе говорю... Надень чугун на него! – Кошка сделала спинку дугой и ожидала от парня опасности. Соседний старик, хотя и спал, но ум у него **работал от старости сквозь сон**. – Ляжсь, ляжсь, шальной, – сказал старик. – Чего ты на народе пугаешься? Спи с богом ← ср. От старости ум и сквозь сон работает (исходная форма афоризма). Здесь выделение афоризма из текста сопровождается трансформацией синтаксических связей между компонентами высказывания.

Иногда инверсированный индивидуально-авторский афоризм не воспринимается в рамках ближайшего контекста. В таких случаях для реконструкции исходной формы афоризма необходим максимально широкий контекст. Ср.: Однако каждую субботу люди в Чевенгуре трудились, чему и удивился Копёнкин, немного разгадавший солнечную систему жизни в Чевенгуре. – Так это не труд – это субботники! – объяснил Чепурный. <...> А в субботниках никакого производства имущества нету – разве я допущу? – просто себе идёт добровольная порча мелкобуржуазного наследства ← ср. Субботники – это не труд, а добровольная порча мелкобуржуазного имущества (исходная форма афоризма). Здесь без дополнительного пояснения Чепурного о сущности добровольного труда невозможно

реконструировать инверсированный афоризм (ср.: *Субботники – это не труд*).

Нагляднее всего инверсию как способ выделения индивидуально-авторского афоризма из текста можно показать на примере афоризмов так наз. «сверхмалого объема» (или «сверхкратких»). Ср.: *Копёнкин революцией был навеки убеждён, что любой враг податлив. – Да то долго! Мы – враз: скажем, что иначе суходольная земля хохлам отойдет... А то просто вооруженной рукой проведём трудгужовинность на перевозку построек: раз сказано, земля – социализм, то пускай то и будет* ← ср. *Социализм – это земля* (исходная форма афоризма). Здесь инверсирование компонентов афоризма происходит в целях эмпазы. Вызывает интерес следующий пример: *Такую сволочь я терплю да первого сражения, – заявил Копёнкин про Мрачинского. – Понимаете, Сашу Дванова я застал голым, раненым на одном хуторе, где этот сын с отрядом кур воровал! Оказывается, они ищут безвластия! Чего? – спрашиваю я. – Анархии, говорят. Ах, чума вас возьми: все будут без власти, а они с винтовками! Сплошь – чушь! У меня было пять человек, а у них тридцать: и то я их взял* ← ср. *Чушь – сплошь* (исходная форма афоризма). Здесь инверсия не способствует, а препятствует реконструкции исходной формы афоризма, так как данный афоризм может существовать только с изначально инверсионным расположением компонентов (при *Чушь – сплошь* теряется ритмико-интонационное звучание фразы).

В этой связи продуктивным при анализе инверсионных трансформаций сверхкратких афоризмов оказывается их сопоставление: *Ему ништо нипочем: сволочь-человек! – оценил Копёнкин собеседника. Или: Ты вот поработал и поумнел! Но человек – чушь!... Он дома валяется и ничего не стоит...* и т.п. Во втором случае афоризм не имеет инверсионного варианта, в первом – реконструируется перестановкой частей (ср.: *Человек – это сволочь*). В первом случае афоризм – это слово, во втором – синтаксически эквивалентен предложению. На этом основании можно утверждать,

что инверсия индивидуально-авторского афоризма может детерминировать его синтаксическое оформление в речи.

Таким образом, инверсия способна выступать и как форма существования индивидуально-авторского афоризма в речи, и как приём реконструкции его исходной формы вне авторского текста. Проблематику дальнейшего исследования инверсии индивидуально-авторского афоризма составляют, на наш взгляд, изучение порядка следования структурных компонентов афоризма и инверсия афоризма, обусловленная актуальным членением предложения.

Литература

1. Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1988. С. 4-17.
2. Крейдлин Г.Е. Структура афоризма // Проблемы структурной лингвистики (1985-1987). М.: Наука, 1989. С. 196-206.
3. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: сб. статей памяти В.Я. Проппа (1895-1970) / сост. Е.М. Мелетинский и С.Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 247-274.
4. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М.: Наука, 1990. 419 с.
